

Из окошота театрала
 Обзор. Москва - 1990 - 17 июля

РОЛИ, ПРОПУЩЕННЫЕ ЧЕРЕЗ СЕРДЦЕ

В Московском театре сатиры в свое время параллельно готовились два спектакля — «Интервенция» Л. Славина и «Доходное место» А. Н. Островского. Так случилось, что оба были выпущены одновременно, в один месяц, сначала первый, а через пять дней состоялась премьера другого.

В обоих спектаклях принимал участие Анатолий Дмитриевич Папанов. Роли достались ему прямо противоположные — Мишель Бродский в «Интервенции» и Юсов в спектакле Островского.

Сравнивая своих героев, Анатолий Дмитриевич обронил фразу: «У Бродского — пульс сто сорок при всей его внешней сдержанности, у Юсова — пониженное давление, у него внутри холод».

Надо было глубоко проникнуть в сущность того и другого персонажа, чтобы сказать о каждом с такой исчерпывающей полнотой и образностью.

Конечно же, пульс 140 — повышенный. Особенно для Бродского, который не был спиритом. Но не может так подскочить пульс без причин. Для Бродского — профессионального революционера, стоявшего во главе одесского подполья, причин для волнений было предостаточно — опасности подстерегали на каждом шагу.

По ходу действия в казарме французских солдат, куда Бродский-Папанов пробирается с агитационными планами, ему грозит

серьезная опасность. Он это сознает, но сердце против воли начинает учащенно стучать, когда решается открыться:

— Да, я большевик. Смотрите на меня, ребята. Я ем детей, национализирую женщин. Вот мои когти. Вот мой хвост.

Напряженность момента герой хочет разрядить шуткой. Он еще, правда, не уверен, что это ему удастся, что солдаты правильно поймут его. Потому напряженность не спадает. Но, наблюдая, как потеплели взгляды солдат, постепенно утихает быстрый перестук сердечных молоточков. Бродский-Папанов обретает обычную уравновешенность.

Еще один сильный порыв героя мы видели в сцене перед расстрелом.

— Останемся большевиками до конца. Ни одного имени! Ни одного адреса, товарищи мои!.. Когда-нибудь люди скажут о нас: «Они не пожалели своей жизни».

Артист произносил эти слова, и снова сердце билось в безудержном ритме. Актер переживал всю сложность чувств героя. И если бы Папанову измерили в тот момент давление, оно оказалось бы, несомненно, повышенным.

А вот в восприятии другого героя, Юсова, актерские эмоции были иными.

Самодовольному старому чиновнику, утвердившемуся в своей живучести, не страшны никакие

превратности. Зачем волноваться? И кто может заставить его потерять покой? Неужели эта «чернь», как называл Юсов тех, кто окружал его?

На весь мир он готов кричать: «Я никого не боюсь!.. Мне можно плясать!» И пляшет в трактире в свое удовольствие, ощущая себя хозяином жизни. Может быть, только в самом конце действия на какой-то миг острая мысль пронзает его, когда узнает о крушении власти его владыки Вышневецкого, что могло отразиться и на нем. Задумывается и тут же успокаивается, потому что убежден в живучести себе подобных. И сердце не успевает произвести лишнего удара.

Анатолий Дмитриевич Папанов уловил, что в отличие от таких людей, как революционер Мишель Бродский, Юсовы живут с пониженным давлением; никакая сердечная недостаточность им не грозит. И зрители явно ощущают холод в их душах.

Ну, а актер? Какую бы ни исполнил роль, у него и во время спектакля, и после него пульс учащается, и давление подскакивает.

Три года нет с нами Анатолия Дмитриевича Папанова. Актера, каждая роль которого проходила через сердце.

Дмитрий БРУДНЫЙ.